

Вклад мировых посредников в развитие крестьянского образования в белорусских губерниях во второй половине XIX – начале XX века

А. С. Серeda,
аспірант,
Республиканский институт высшей школы

Институт мировых посредников – специально созданное правительственное учреждение для проведения в жизнь реформы 1861 г. В его обязанности входило урегулирование поземельных отношений между помещиками и крестьянами, а также разбор исков, жалоб и споров, возникающих из поземельных отношений. Помимо реализации реформы, мировые посредники обязаны были исполнять ряд второстепенных задач. Крестьянству, жившему под властью помещиков, необходимо было привить определенную культуру самостоятельного существования. Мировые посредники призывались развить, проконтролировать, а где-то построить с нуля разные стороны крестьянской общественной жизни. Одной из таких задач являлось налаживание образования среди детей временнообязанных крестьян.

Цель статьи – изучение вклада мировых посредников в организацию начального образования в белорусских губерниях Российской империи, задачи – изучение полномочий института мировых посредников в деле организации народного просвещения, выявление особенностей работы учреждения в данном направлении на территории белорусских губерний и значения института в развитии образования.

Отмена крепостного права вызывала потребность в более широком развитии грамотности и уровня образованности населения, тем более что вся вторая половина XIX в. как для стран Европы, так и для всего развивающегося мира прошла в развитии всеобщего образования. Стартовые условия в Российской империи, особенно в белорусских губерниях, характеризовались доминированием крестьянского населения, которое, сохраняя простонародную, крайне консервативную культуру, в большинстве своем не воспринимало образование как полезное дело для своих детей. Схожего мнения придерживалась часть правящей и местной элиты общества.

С. М. Токть в своей монографии отмечает, что в дореформенную эпоху существовало два основных места расширения грамотности среди крестьян – церковь и панский двор [12, с. 166]. Если церковь с давних времен давала церковное образование, то относительно панских школ можно согласиться с автором, который, ссылаясь на мнение этнографа Н. Никифоровского, утверждает следующее: «Рассматривая панскую школу, необходимо отметить, что на самом деле панская школа преследовала узкие цели, готовила лакеев, будущих писарей, счетчиков или таких учеников, которым предстояло завершать образование в городской мастерской» [12, с. 167]. Итогом было очень низкое состояние образования как такового, особенно среди крестьянства. К примеру, в 1860 г. в Гродненской губернии в 239 учебных заведениях насчитывалось всего 1498 учащихся крестьянского происхождения, что составляло 26,7 % от общего количества учащихся [2, с. 248–253].

Однако изменения времени потребовали принятия мер по налаживанию системы народного просвещения. Источники показывают, что губернские правления, а также попечитель Виленского учебного округа А. П. Ширинский-Шахматов призывали на условиях «дела чрезвычайной важности и экстренности» [11, л. 22] к сбору сведений о количестве народных училищ в губернии, о присылании помещиками и уездными правлениями соображений насчет расширения сети образования, а также к проявлению инициативы и открытию новых народных училищ на местах.

В первые годы после раскрепощения делались попытки организации школьного дела, которые носили несистемный характер. К примеру, в Пружанском уезде Гродненской губернии наряду с су-

ществовавшими до отмены крепостного права несколькими народными училищами было открыто еще две школы – итого на 4 апреля 1862 г. в уезде числилось 7 школ, в которых обучались 150 мальчиков и 3 девочки [3, л. 16]. В других уездах дело с образованием обстояло гораздо хуже – в Волковыском уезде народных школ не было вовсе [3, л. 23]. Один из посредников докладывал, что на его участке некоторые дети обучались в помещичьих домах самими помещиками, другие же (крестьяне) сами частно обучают один другого в своих домах, а по большей части обучаются священниками в приходских домах без всякого за то вознаграждения [11, л. 29]. В местностях, где организовать постоянное училище было невозможно, создавались временные школы, в основном зимой. Так, в Волковыском уезде в деревнях Менделевичи и Домбровники дети зимой 1861–1862 гг. обучались чтению и письму в здании волостной канцелярии писарями, пока те были свободны от ведения уставных грамот [11, л. 26]. «Однако количество учащихся не было постоянным, так как мальчики и девочки часто отвлекались к хозяйственным занятиям – иные – возвращались через неделю – иные – безвозвратно ... а после зимы обучение детей было прекращено, и дети были употреблены в хозяйственных занятиях» [11, л. 26].

Подавление восстания 1863–1864 гг. на какое-то время притормозило решение проблемы, но вскоре новый начальник края М. Н. Муравьев задал новый темп в развитии дела. Уместно отметить, что еще М. В. Довнар-Запольский отводил большую роль М. Н. Муравьеву в организации школьного образования для крестьянских детей [5, с. 180]. В записке о некоторых вопросах по упорядочиванию Северо-Западного края, поданной 14 мая 1864 г. М. Н. Муравьевым императору Александру II, особое внимание уделялось развитию образования как средству осуществления правительственной политики. Отмечалось, что в крае слишком много гимназий, прогимназий, трехклассных училищ, где постоянно концентрировалась польская пропаганда. М. Н. Муравьев считал достаточным оставить гимназии в губернских центрах и, как исключение, в некоторых других населенных пунктах, реорганизовав их полностью. Освободившиеся средства предлагалось направить на укрепление народного образования, более массового и начального, под контролем православной церкви [7, с. 67].

Мировые посредники в своих рекомендациях сходились во мнениях, что создавать школы целесообразно в больших или волостных деревнях и именно за счет правительства, ибо «крестьяне, не понимая еще необходимости науки, еще не изъявляют готовности изучать какие-либо науки» [11, л. 26]. Снабжение учителями и учебным материалом, естественно, рекомендовалось возложить на государство, однако делалась оговорка, что учителями

могли бы подрабатывать местные священники и местные писари, которые «...за незначительную прибавку к жалованью, охотно примут на себя занятия учителей» [11, л. 26]. В некоторых сельских обществах крестьяне готовы были сами построить здания для школ [11, л. 29].

Начальным школам не хватало финансирования – часть расходов ложилась на плечи крестьян. К примеру, в 1866 г. на 85 штатных народных училищ Витебской губернии было затрачено 14 113 руб. государственных денег и 5013 руб. выделено волостными сходами [12, с. 178]. Обнаруженные источники позволяют утверждать, что в местностях, где существовала кое-какая образовательная база, основную тяжесть при открытии училищ принимали на себя мировой посредник и крестьянские общества. Так, мировому посреднику 4-го участка Пружанского уезда необходимо было открыть школу в Носковской волости по требованию Губернского по крестьянским делам присутствия [11, л. 23], используя, в основном, собственные ресурсы. Там, где образовательная база была слаба или ее не было вовсе, основные расходы принимало на себя государство. Так, в Волковыском уезде, не имевшем ни одного училища, было создано шесть новых училищ [11, л. 73]. В школы были присланы шесть наставников – пять школьных священников и один кандидат в духовную семинарию [11, л. 74].

Таким образом, организация системы крестьянского образования была начата сразу после отмены крепостного права. После подавления шляхетского восстания процесс активизировался – власти возложили на мировых посредников заботу об организации крестьянского просвещения, поскольку научить крестьян читать, писать и считать дополнились задачей укрепления позиций Российской империи на этих землях.

Важно отметить, что данную задачу выполняли русские мировые посредники, присланные из великорусских губерний как для осуществления крестьянской реформы, так и для организации крестьянского образования. Прежний штат мировых посредников был уволен с занимаемых должностей в связи с неисполнением положений по отмене крепостного права и поддержкой восстания [4, л. 1].

Общая картина, несмотря на принятые с начала 1860-х гг. меры, была удручающей – новоприбывшие посредники отмечали безразличное отношение к народному просвещению не только местной верхушки, но и самого крестьянства [6, с. 76]. Нежелание крестьянства участвовать в постройке школ и отдавать детей в обучение было связано не только с верой в возможность прожить без образования, но и со множеством самых разнообразных предрассудков и страхов. Источники утверждают, что один из стойких слухов был связан с верой, что все

мальчыкі, обучаючыся грамоте, непременно будут отправлены в солдаты. Это приводило к тому, что посредники зачастую прилагали невероятные усилия, чтобы добиться от волостного схода согласия и приговора на постройку училища. Еще одним оправданием служили бедность и отсутствие средств для постройки и поддержания училища. Однако вскоре выяснилось, что, помимо реальной бедности, был еще один фактор: «...сочинителями и распространителями всех этих слухов и умышленной лжи были евреи» [6, с. 77]. «Евреи, которые более чем кто-либо боялись и не желали развития грамотности между крестьянским населением края, между населением, которое они эксплуатировали совершенно безнаказанно и в самых широких размерах, благодаря, главным образом, его темноте и безграмотности. Евреи отлично понимали, что пока белорусский крестьянин неразвит, забит и туп, до тех пор он всецело находится в их цепких руках; до тех пор все его достояние, весь заработок и излишек будет переходить в его, еврея, карман» [6, с. 77].

Несмотря на противодействие посредникам, как правило, от крестьян удавалось добиться согласия на постройку школы. Необходимое на постройку дерево отпущалось либо в казенных лесах, либо его давали помещики. Важно отметить, что после отмены крепостничества источники фиксируют волну краж, хищений и потрав, которые совершали крестьяне на помещичьих землях. Мотивы этих действий были разные – посредники, призванные пресекать и разбираться в данных ситуациях, часто оказывались в нелегком положении, прося ресурсы для постройки училища у помещика, в угодах которого это же самое крестьянство совершало кражи. Поэтому строительство школ во многих местностях шло с большим трудом – дети обучались в церквях, отдельных избах и прочих помещениях, не предназначенных под образовательные цели. Неудивительно, что хорошо осуществлять строительство школ удавалось посредникам, которые, добросовестно исполняя свои обязанности, отстаивали законные интересы и права помещиков в своей деятельности. Так, мировой посредник В. П. Березин, вспоминая свою работу по искоренению крестьянских хищений с панских угодий, отмечал, что пользовался своим авторитетом среди помещиков для получения леса на постройку училищ: «Что вам стоит, при такой массе леса, дать сотню деревьев на училище, а ведь польза то будет какая для детей тех, которые так долго и верно служили вам?» Пан соглашался не сразу, но, в конце концов, махнув рукою, говорил: «Э, пускай так и будет: для ласкового пана, по дружбе, даю, – бо ни порубок, ни потрав... даю!» [1, с. 141].

Учебники и письменные принадлежности присылались государством либо покупались на собранные деньги.

Большую помощь в развитии образования оказывали православные священники. Мировой посредник И. Н. Захарьин вспоминает о роли священников следующее: «Только благодаря содействию и влиянию духовенства мне удалось разъяснить в крестьянах существовавшие в них предубеждения... и поселить веру в полезность этих училищ. Священники же, главным образом, руководили и учителями – молодыми людьми, совершенно неопытными, попадавшими на места прямо со школьной скамьи, а когда те же самые священники составили потом из учеников народных училищ небольшие церковные хоры, заменившие собою раздражительное пение дьячков и отставных солдат, то дело училищ в своем участке я считал упроченным навсегда: крестьяне, видя воочию результаты обучения, не только не уклонялись от участия в поддержании своих училищ, но, напротив, сами, иногда, на волостных сходах, заводили речь о необходимости той или другой меры, в видах улучшения училищного дела; затем перестали скрывать своих детей от обучения, определили небольшие (в 5 коп.) штрафы с родителей за каждый пропущенный ребенком класс, каковыя деньги шли на поддержку тех же училищ; наконец – и это было самое главное – крестьяне всех трех волостей участка, где мною были основаны училища, согласились на устройство при этих училищах стола и постелей для детей из отдаленных от места училищ деревень и селений...» [6, с. 78–79].

Таким образом, можно говорить о продуктивном взаимодействии мировых посредников и православной церкви на данном поприще. Это позволяло не только более грамотно организовывать систему образования, но и вовлекать в нее большее количество учащихся, совершенствовать отдельные элементы системы, а также обучать подрастающее поколение в необходимом для царского правительства направлении.

Система образования той эпохи не ставила цель охватить обучением все население. Комплектование школы учениками зачастую шло путем жеребьевки. Если училище вмещало 50 мальчиков, а в волости было 500 дворов, то от каждых десяти дворов крестьяне обязаны были доставлять в училище одного ученика [6, с. 80].

Отдельные примеры рачительного обустройства школ мировыми посредниками широко пропагандировались и представлялись в качестве примера для подражания. Так, в 1868 г. широко демонстрировался пример мирового посредника 2-го участка Ошмянского уезда Филиппова, организовавшего образцовое училище в Липнинской волости. Благодаря проведенной работе было выстроено добротное школьное здание, для его содержания установлен справедливый ежегодный денежный сбор: 250 рублей серебром в год, разложенная среди крестьян по количеству владеемой ими удобной земли, кроме выгона, по три копейки серебром с каждой

десятины: за 800 сажений и менее – одну копейку, от 800 до 1600 сажений – две копейки. В случае каких-либо изменений в составе волости производилась новая раскладка таким образом, чтобы весь сбор был не менее 250 рублей. Волостное правление заключало с учителем договор с годовым жалованьем в 150 рублей из вышеозначенного сбора, учителю предоставлялись бесплатная квартира в здании школы с отоплением, огород в 1/8 часть десятины земли, а также выдавалась ссypка хлеба в восемь четвертей (почти 1260 кг. – А. С.). Остаток денег шел на все остальные нужды: покупку книг и письменных принадлежностей, освещение школы, наем стряпухи для приготовления пищи ученикам и наем сторожа, а также на выдачу наград особо отличившимся ученикам и другие особенные расходы. Сбор денег осуществлялся с 1-го сентября по 1-е октября за весь наступающий учебный год. Приход и расход денег велся по особой бухгалтерской книге – все выдачи денег производились по решению волостного правления. Особо оговаривались условия, касавшиеся обучения еврейских детей: 1) каждый ученик вносил сумму в 1 рубль серебром в год, 2) число учеников не превышало 10 человек, 3) еврейские дети ни в коем случае не имели права проживать в оборудованном при школе здании, 4) об оплате за обучение родители-евреи должны были договариваться с наставником отдельно без всякого участия волости. В итоге за короткое время посредник успел приобрести доверие к себе у крестьян, возбудить в их детях охоту к учению и образовал из них хороший певческий хор [9, л. 9–10].

Таким образом, наряду с созданием и поддержанием условий для получения образования крестьянскими детьми, мировые посредники проводили политику по ограничению возможностей получения образования для еврейских детей. Это было как неотъемлемой частью правительственной политики, так и порождением повседневных реалий общества, среди которого работали мировые посредники.

Объективные условия существования евреев в Российской империи, запрет владения и аренды земли (в ментальном представлении большинства населения того времени – единственный истинно правильный источник получения богатства) вынуждали их приспосабливаться к овладению навыками и профессиями, которые приносили доход от деятельности, не связанной с земледелием. Эти обстоятельства сами по себе предусматривали более высокую образованность еврейского населения – евреи всегда заботились о том, чтобы их дети учились [13, с. 23]. Как итог – стереотипное представление об ученой книжности евреев [13, с. 219], упорно жившее как в народных массах, так, очевидно, и среди правящих кругов – представление о том, что евреи самостоятельно приобретут необходимые знания без особого

вмешательства государства. Естественно, имевшие более высокий культурно-образовательный уровень евреи могли зарабатывать больше, чем крестьянин-земледелец, занимавшийся «мужицким трудом». Культуролог Ю. В. Чернявская, исследуя этничность белорусов, утверждает о частом крестьянском недоверии такому вот «книжному еврейскому знанию», которое отдаляло крестьян от житейской мудрости, от непререкаемого опыта предков [13, с. 219]. Также нельзя не принимать во внимание имевшее место использование евреями в своих интересах малограмотного крестьянства, увеличивавшее социальную дистанцию между ними.

Учитывая уровень крестьянского сознания и общественную атмосферу в тех общественно-политических условиях и принимая во внимание выполняемую посредниками государственную цель по увеличению именно крестьянского образования, видятся вполне логичными их действия по созданию неравных возможностей в получении образования – обратным итогом было ограничение возможностей на получение образования евреями – правительственные распоряжения прямо указывали, что «число допускаемых в ремесленные училища евреев должно быть ограничено известным процентом против числа учеников христианских исповеданий, чтобы училища не обратились в чисто еврейские» [9, л. 4].

Сочетание данных факторов приводило к следующим итогам. И. Н. Захарьин вспоминал в мемуарах о том, как местный корчмарь-еврей использовал все возможные средства и силы для недопущения устройства училища. В конце концов выстроенное училище в следующем году сгорело дотла «от неизвестной причины... новое же училище крестьяне пожелали выстроить в совсем уже другом селении и при другой церкви». Точно так же было сожжено неизвестно рукою народное училище в местечке Островны, просуществовавшее всего несколько месяцев... Евреи местечка Островны подавали формальное прошение, в котором ходатайствовали, чтобы предполагавшееся училище было построено не в местечке Островны, а в соседнем селении. Прошение это осталось мною без последствий – и в результате, произошел пожар «от неизвестной причины» [6, с. 78]. В данных случаях здания были застрахованы – деньги возвращены, а школы восстановлены. Факты поджогов говорят о том, что существовали силы, стремившиеся не допустить роста уровня образованности крестьянства, готовые даже на уничтожение учебных заведений.

Еще одной силой, которая противостояла распространению грамотности, была местная польская и ополяченная верхушка, осознавшая начавшееся обрусение края и увидевшая необходимость приостановить «кепское» дело [1, с. 201]. Исходя из источников, можно утверждать, что часть местной элиты попыталась, правда, без особого успеха, вос-

пользоваться в своих интересах отставкой М. Н. Муравьева и покушением на царя народником Д. Каракозовым 4 апреля 1866 г.

И все же мировым посредникам удалось наладить определенную систему начального школьного обучения на селе, но ее не стоит идеализировать. Не везде удалось построить приспособленные для обучения здания, в таких случаях обучение организовывалось, как и ранее, в наиболее сподручных зданиях. Нередко обучением детей занимались люди, не умевшие правильно преподносить азы грамоты детям. Судя по источникам, в школы на должности учителей принимали отставных солдат, которые мало чему могли научить детей. И. Н. Захарьин, к примеру, вспоминал, как в одно из училищ был назначен отставной юнкер пехотного полка, который часто оставал детей либо на попечение священнику, либо одних, а сам, взяв наперед жалованье, ездил по округе и искал себе подходящую невесту [6, с. 81]. В случаях, если «учитель» присутствовал на уроке, то, как правило, обучал мальчишек не основам грамоты, а «ружейным приемам и маршировке» [6, с. 81]. Яковчицкое училище Кобринского уезда вплоть до 1874 г. не имело постоянных преподавателей, поэтому селяне каждый год нанимали учителей «в основном из крестьянских детей, которые получили образование в народных или волостных училищах» [10, с. 116].

Не везде крестьян удалось убедить в необходимости и пользе образования. Мемуары дают удивительные примеры: одному зажиточному крестьянину-мельнику, который, согласно жребью, должен был отдать в школу одного из трех своих сыновей, пришла идея обратиться к своему односельчанину-пастуху, у которого был сын 12-ти лет, чтобы нанять его за плату ходить в училище вместо сына мельника. Мальчишка-«наймит» обучался все отведенное время, при этом сельский старшина и писарь прекрасно знали данную ситуацию. И только через год, когда присутствовавшего на экзамене посредника особенно поразил своими знаниями «один бойкий и умный мальчик, отвечавший на все вопросы толково и складно», открылась история с подменой [6, с. 82]. Этот случай является выдающимся примером устоявшихся простонародных предубеждений, забитости и упрямства – качеств, которые необходимо было усиленно выживать из народного сознания.

Однако при всех трудностях в деле крестьянского образования все же медленно обозначался прогресс. На примере территории нынешнего Жабинковского района Брестской области это особенно заметно. Первая крестьянская школа, построенная на крестьянские средства, начала работу в деревне Сехновичи в октябре 1862 г. На протяжении трех лет были открыты еще девять училищ: в Озях, Орепичах, Бульково, Вежках (не имело своего собственного здания и располагалось в общественном доме),

Мыщицах-Покровских (черта теперешнего города Жабинка), Рогозно, Свицах, Степанках и Хмелево. В 1870-х гг. были открыты Ракитницкое и Яковчицкое народные училища. Образованием было охвачено около 10 % крестьянских детей [10, с. 116]. А после открытия в 80-х гг. еще и трех церковно-приходских школ в деревнях Здитово, Житин и Можейках процент грамотной молодежи заметно вырос.

К концу XIX в. образование стало одним из наиболее влиятельных факторов социальной стратификации крестьянства. Осторожность и недоверие к образованным личностям сменились уважением и стремлением к обучению. Все большую значимость приобретало качество обучения [8, с. 3]. Статистические данные указывают на рост как количества учебных заведений, так и увеличение числа обучающихся, особенно среди крестьянства. Для сравнения: в 1878 г. в Гродненской губернии насчитывалось 964 учебных заведения, где получали образование 31 115 школьников [7, с. 68]. Среди всего населения Гродненской губернии школьники составляли около 2,7 %. По сословной принадлежности 66 % учащихся происходили из крестьян [7, с. 68]. В 1886 г. насчитывалось 959 учебных заведений, в начальных школах Гродненской губернии училось 30 695 учащихся, 67,8 % были детьми крестьян [7, с. 69]. В Минской губернии в 1869 г. 90,5 % обучающихся также происходили из крестьянского сословия [7, с. 69].

27 июня 1874 г. институт мировых посредников был упразднен на большей части территории Российской империи – их обязанности передавались вновь учрежденным уездным по крестьянским делам присутствиям. Но в Гродненской и Виленской губерниях в силу ряда обстоятельств этот институт просуществовал значительно дольше – до 1903 г. Важно отметить, что первая перепись Российской империи, состоявшаяся в 1897 г., показала следующее: население Виленской и Гродненской губерний на тот момент имело гораздо более высокий уровень образования, чем в губерниях, где учреждение было ранее отменено. В Виленской губернии население было грамотным на 33,9 %, в Гродненской – на 33,1 %, в Витебской – на 25,2 %, в Минской – на 23,8 %, в Могилевской – на 23,3 % [7, с. 72]. Можно утверждать, что продолжительное существование мировых посредников в Виленской и Гродненской губерниях повлияло на рост образованности среди крестьянского населения.

Таким образом, при создании института мировых посредников учреждению было поручено выполнение ряда задач, одна из которых – организация начального образования среди детей самого обширного сословия империи – бывших крепостных крестьян.

Политика, проводимая в белорусских губерниях, предусматривала интеграцию в состав империи, в связи с чем делался упор на расширение образо-

вания именно среди крестьянства, в противовес образованию политической (шляхта, католическое духовенство) и экономической (евреи) верхушек губерний. В обязанности посредников входили организация и обеспечением школ необходимыми ресурсами, привлечение ресурсов местного населения в школьном строительстве. Особенности белорусских губерний требовали от посредников выстраивания сложных и, порой, весьма неоднозначных взаимоотношений с местной политической и экономической элитой, осознавшей угрозу для себя. Поэтому успех поставленной задачи достигался благодаря тесному сотрудничеству с православной церковью. Оба учреждения вынуждены были объединить свои силы для достижения схожих целей, поставленных правящей верхушкой империи. Важной задачей являлся административный контроль за качеством и уровнем образования, особенно обучения на русском языке [7, с. 68]. В отчете о работе школ Минской губернии за 1867 г. отмечалось, что язык учащихся «правильностью произношения полностью превосходит грубый, усыпанный полонизмами язык детей, которые не имеют счастья пользоваться школьными уроками» [7, с. 68].

Итак, можно выделить два этапа в организации крестьянского обучения мировыми посредниками: 1861–1864 гг. – несистематические мероприятия по организации народного просвещения; 1864–1903 гг. – систематическая организация крестьянского образования в связи с политикой Российской империи на обозначенных принципах организации начальной школы.

Более продолжительное существование учреждения в Виленской и Гродненской губерниях объективно повлияло на более высокий уровень образования среди местного населения. Исходя из имевшихся ресурсов, социальной атмосферы и уровня развития общества, еще не рассчитанного на введение всеобщего начального образования, работа мировых посредников была весьма значима – она дала возможность получать образование детям крестьян.

Анотация

В статье рассматривается роль института мировых посредников в развитии крестьянского образования в белорусских губерниях во второй половине XIX – начале XX в. Определены полномочия учреждения, выявлен комплекс вопросов, связанных с организацией образования, взаимодействия с православной церковью для решения поставленной цели. Сделан вывод о сложности и неоднозначности школьного строительства. Определен большой вклад посредников в просвещение и развитие крестьянского образования исходя из имевшихся возможностей.

Summary

The article discusses the role of the institute of social mediators in the development of peasant education in belarusian provinces in the second half of XIX – early XX centuries. Defines the powers of institutions, identified a range of issues related to the organization of education, interaction with the Orthodox church to solve the purpose. It is concluded that the complexity and ambiguity of the school building. Definitely a great contribution to the mediators in education and development of peasant education on the basis of the available opportunities.

Список использованных источников

1. Березин, В. П. Восемь лет в Северо-Западном крае. Воспоминания бывшего мирового посредника / В. П. Березин // Русский вестник. – 1896. – Т. 242, № 1, 3, 4, 7, 11.
2. Бобровский, П. Гродненская губерния: в 2 ч. / П. Бобровский. – СПб.: Тип. Департамента Генерал. штаба, 1863. – Ч. 2: Приложения. – VI, 391 с. – (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба).
3. Дело об открытии школ и народных училищ для детей временнообязанных крестьян Пружанского уезда // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (далее – НИАБ). – Фонд 997. – Оп. 1. – Д. 2.
4. Дело по предписанию Виленского генерал-губернатора об увольнении политически неблагонадежных мировых посредников и о назначении на их должности местных дворян-помещиков // НИАБ. – Фонд 242. – Оп. 1. – Д. 185.
5. Довнар-Запольский, М. В. История Белоруссии / М. В. Довнар-Запольский. – Минск: Беларусь, 2005. – 680 с.
6. Захарьин, И. Н. Воспоминания о службе в Белоруссии 1864–1870 гг. / И. Н. Захарьин // Исторический вестник. – 1884. – Т. 15, № 3; т. 16, № 4.
7. Каханюўскі, А. Г. Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.) / А. Г. Каханюўскі. – Мінск: БДУ, 2013.
8. Маскевіч, Г. І. Сацыяльная стратыфікацыя сялянства Беларусі ў 60–90-я гг. XIX ст.: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / Г. І. Маскевіч. – Мінск, 2011. – 24 с.
9. О народных училищах и об учреждении ремесленных школ // НИАБ. – Фонд 2219. – Оп. 1. – Д. 7.
10. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Жабінкаўскага раёна / рэд.-укл. Р. Я. Смірнова. – Мінск: Ураджай, 1999. – 510 с. (8) л. іл.
11. Переписка с Гродненским губернатором об открытии сельских школ и народных училищ для детей временнообязанных крестьян, о переходе временнообязанных крестьян от издельной повинности на оброк и др. // НИАБ. – Фонд 54. – Оп. 1. – Д. 2.
12. Токць, С. М. Сацыяльныя і культурныя працэсы ў беларускай вёсцы ў другой палове XIX – пачатку XX ст. / С. М. Токць. – Мінск: ДІКСТ БДУ, 2016.
13. Чернявская, Ю. В. Белорусы: от «тутэйшых» – к нации / Ю. В. Чернявская. – Минск: ФУАинформ, 2010.